

## II. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

УДК 930.1

А.В. Якуб

### ФЛОДОАРД РЕЙМСКИЙ – ПЕРВЫЙ ИСТОРИК НОРМАНДИИ? ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

*Рассматриваются представления одного из ключевых авторов Реймской школы историописания, сложившейся на территории Западнофранкского королевства в позднекаролингский период. Исследуется как эволюция взглядов самого Флодоарда на «норманскую проблему», так и механизм текстуальной трансформации его основных сочинений в X–XII вв. Делается вывод о возможности рассматривать Флодоарда как первого каролингского автора, во многом определившего будущую историографическую традицию нормандской историографии, сложившейся в пределах герцогства Нормандия. Ключевые слова: Флодоард, Роллон, «норманнская проблема», каролингская историография.*

В X в. преемственность Реймской школы историописания продолжилась. Вслед за ключевой фигурой позднекаролингской историографии, архиепископа Хинкмара Реймского, автора общепринятого в историографии архетипа знаменитых «Сен-Бертенских анналов», возникают еще два священнослужителя этой епархии – Флодоард и Рихер, труды которых до сих пор остаются ключевыми для реконструкции политических событий Франции той эпохи [1–5]. Оба эти автора, обращаясь к современным им событиям, безусловно, не могли обойти молчанием те факты, которые касались роли «норманнов» в тогдашней политической жизни. При этом им приходилось считаться с уже существовавшим «герцогством» Нормандия, возникшим в низовьях Сены в начале X в. Поэтому их восприятие «норманнов» носило уже не только стереотипный характер, сложившийся в предшествующую эпоху, хотя этот стереотип еще можно наблюдать на страницах их сочинений, но и постепенно было вынуждено приспосабливаться к осознанию факта превращения «норманнов» и их вождей в неотъемлемую часть французского общества и французской политической элиты.

Флодоард родился около 893/894 г., возможно в Эпернэ, и получил блестящее образование в стенах Реймской школы, где, незадолго до его появления, архиепископ Фульк, следуя традициям Ремигия Оксеррского и Хубальда Сент-Амандского, восстановил почетный статус литературы. Именно в Реймсе у Флодоарда возникает интерес к истории как способу познания прошлого, что, в свою очередь, заставляет его все пристальнее следить за событиями настоящего. Результатом этого стало появление блестящего сочинения, хотя и выдержанного, казалось бы, в традиционном

духе анналов, но по своему значению далеко выходящего за рамки классического для предшествующей эпохи жанра историописания.

Бурные события настоящего оказали очень большое влияние на формирование Флодоарда как историка и как литератора. Рано пополнив ряды священнослужителей, он оказался втянутым в острую политическую борьбу, разгоревшуюся в первой половине X в. вокруг архиепископской кафедры Реймса. Флодоард пользовался расположением архиепископов Херивея (900–922 гг.) и Сеульфа (922–925 гг.). После смерти Сеульфа, когда архиепископская кафедра оказалась в руках юного Гуго, сына могущественного Герберта, графа Вермандуа, Флодоард впал в немилость. Вероятно, это послужило причиной его перехода на сторону противника Гуго, архиепископа Артольда, который до узурпации кафедры был назначен на нее королем Раулем. В дальнейшем ему еще не раз пришлось метаться между двумя соперниками в условиях изменчивости политической фортуны для каждого из них.

После изгнания Гуго и утверждения на кафедре Реймса Артольда Флодоард был полностью восстановлен в своих привилегиях. Однако в 936 г., без всяких видимых причин, он отправляется в Италию, где даже был принят при дворе папы Льва VII. Вернувшись в Реймс, Флодоард летом 940 г. переживает новый поворот в своей судьбе. Реймс вновь оказался в руках Гуго и его отца Герберта Вермандуаского. Архиепископ Артольд снова был низложен и изгнан вместе со своими сторонниками. Хотя Флодоард никогда открыто не выступал против молодого Гуго, тем не менее он также подвергся гонениям. В данной ситуации Флодоард проявил незаурядный дипломатический

талант. Дабы избежать открытой конфронтации с Гуго и его отцом, Флодоард попытался спастись от преследований, отправившись в паломничество к могиле св. Мартина Турского. Однако паломничество не состоялось, поскольку в конце октября 940 г., по приказу Герберта Вермандуаского, он был арестован и заключен под стражу.

Флодоард был освобожден лишь 25 марта 941 г., но вскоре фортуна вновь повернулась к нему лицом. На Пасху, 18 апреля 941 г., в Суассоне приступил к своей работе церковный синод, на котором знаменитый Гуго Великий, оказывавший покровительство своему юному племяннику Гуго Вермандуа, архиепископу Реймскому, во время одного из заседаний подошел к Флодоарду и официально представил его своему племяннику. Неизвестно, откуда Гуго Великий мог знать Флодоарда, но факт остается фактом. Эта встреча изменила судьбу Флодоарда, и он приобрел расположение со стороны архиепископа Гуго, который не только возвратил опальному клирику все его владения и права на них, но даже увеличил число пожалований.

Новая смена власти в Реймсе и возвращение на кафедру архиепископа Артольда не повлекли за собой каких-либо изменений в судьбе Флодоарда. Более того, его влияние в окружении Артольда возросло, и он принимал самое активное участие в политической и церковной жизни реймской епархии [5. Р. V–XII]. Одновременно с этим Флодоард, по-видимому, исполнял функции главного архивиста Реймского диоцеза. Это дало ему неоценимые возможности для работы с первоисточниками, накопленными в кафедральном архиве. Среди них могли быть королевские грамоты, письма, акты различных церковных синодов, жития святых, эпистолярное наследие, сочинения историков мерovingской эпохи, а также труды различных авторов периода первых Каролингов. Кроме того, он, вероятно, был знаком с одной из версий рукописи «Сен-Бертенских анналов», скорее всего принадлежащей перу архиепископа Гинкмара Реймского. Именно эти материалы, скорее всего, позволили Флодоарду создать одно из лучших произведений поздней каролингской эпохи – «Историю Реймской церкви», посвященную истории данной епархии от св. Ремигия до архиепископа Артольда [6].

Но наряду с «Историей», которая представляет собой весьма цельное сочинение, написанное согласно внутреннему плану и за очевидно короткий срок, Флодоард оставил потомкам еще одно сочинение – «Анналы». В отличие от «Истории» «Анналы» – это продукт длительного творчества, более того, это скорее своеобразный полуфабрикат,

черновик, поскольку Флодоард обрабатывал и фиксировал информацию по мере ее поступления, при этом не очень заботясь о проверке исходных данных, что иногда делает их довольно отрывочными и бессвязными. Однако при этом Флодоард придерживался твердого принципа изложения материала: все события представлены в хронологической последовательности. Правда, иногда эта хронология нарушается, однако такие случаи носят единичный характер. Есть еще один недостаток в нарративе Флодоарда. Он весьма выборочно относился к датировке фиксируемых событий, предпочитая их простое последовательное перечисление. Поэтому зачастую, в целях установления исторической истины, требуется обращение к другим источникам, которые позволили бы уточнить дату того или иного события [5. Р. XVI–XVIII].

Безусловно, такая манера изложения придает «Анналам» несколько монотонный характер. Но за этой монотонностью скрывается хорошая осведомленность Флодоарда, без которой история Западно-франкского королевства в первой половине X в. представляла бы, ввиду отсутствия иных цельных источников, череду разрозненных сведений, обросших легендами. Можно лишь сожалеть, что Флодоард сообщает очень мало деталей о событиях, связанных с Аквитанией и Бургундией. Но в том, что касается территории севера королевства, прежде всего самого Реймского диоцеза, а также Лотарингии, Восточно-франкского королевства и даже Италии, его знания отличаются полнотой и достоверностью [5. Р. XVIII].

Что касается хронологических границ «Анналов», то события, о которых повествует Флодоард, начинаются с 919 г., а завершаются 966 г. Информационная насыщенность сочинения, однако, весьма разнится для разных временных отрезков. До 948 г. события излагаются весьма подробно и с большой степенью заинтересованности со стороны автора. После же этого года «Анналы» постепенно становятся все более и более сухими и сдержанными, начинают изобиловать ошибками и нарушениями в хронологической последовательности изложения событий, информация о которых по-прежнему оставалась доступной Флодоарду. Складывается впечатление, что интеллектуальные способности автора «Анналов» начинают ослабевать и у него постепенно утрачивается вкус к истории [5. Р. XVIII–XIX].

Одним из наиболее дискутируемых в историографии моментов при изучении творческого наследия Флодоарда остается вопрос о соотношении текстов «Истории Реймской церкви» и «Анналов».

Существует два подхода к этой проблеме. У истоков первого стоял немецкий историк Виттенбах, который еще в 70-е гг. XIX в. утверждал, что Флодоард воспроизвел в «Анналах» некоторые отрывки из «Истории». Второй подход отстаивают французские историки, считающие, что «История» была написана Флодоардом одновременно, сразу после возвращения в 948 г. с церковного собора в Ингельгейме, и несет в себе ярко выраженную антипатию к Герберту, графу Вермандуа, скончавшемуся в 943 г. В «Анналах» же информация об этом человеке подается в более сдержанных тонах, особенно когда речь идет об этом же отрезке времени. Если мы вспомним о всех перипетиях судьбы Флодоарда, связанных с постоянным переходом реймской кафедры из рук в руки, то такой стиль изложения становится, с одной стороны, вполне объяснимым, а, с другой, подтверждает длительный характер написания текста «Анналов». Кроме того, стиль «Анналов» довольно простой, лишенный изыска, что резко контрастирует с текстом «Истории» и особенно столь же известными «Стихотворениями», в которых Флодоард демонстрирует великолепное владение латинским языком и знание его стилистических нюансов. «Анналы», в данном случае, скорее напоминают заметки, писавшиеся *en momento* и постепенно выстраиваемые в хронологическом порядке, без уделения особого внимания каким-либо связующим переходам между отдельными частями или же попыток разделения материала по тематическим группам.

Тем не менее исследователи оценивают Флодоарда как историка в основном непредвзятого, отличающегося стремлением сохранить, насколько это было возможно, беспристрастность к описываемым им событиям на фоне бушевавших в его время политических страстей. Однако некоторую политическую привязанность Флодоарда текст его «Анналов», как, впрочем и «Истории», позволяет увидеть. Ему намного ближе король Рауль, герцог Гуго Великий и архиепископ Артольд Реймский, нежели Герберт Вермандуаский, хотя даже в отношении последнего вряд ли можно обвинить Флодоарда в злопамятности и стремлении всячески очернить в глазах потомков его образ.

Возвращаясь к структуре «Анналов», мы можем напомнить о том, что 962 г. выглядит как своеобразная граница между двумя совершенно разными Флодоардами. Вероятно, это также было связано с очередным поворотом в судьбе Флодоарда. В этот год скончался архиепископ Артольд, и на кафедру Реймса взошел Одельрик, ставлен-

ник короля Лотаря. В 963 г., вероятно, Флодоард, чувствуя себя постаревшим и неспособным более выполнять возложенные на него обязанности, отказывается от должности каноника в пользу своего племянника, носившего такое же имя. А уже спустя три года, в 966 г., текст «Анналов» прерывается и появляется сообщение, весьма похожее на некролог, составленный, вероятно, одним из современников Флодоарда. Однако дата смерти Флодоарда остается предметом споров среди историков – либо 28 марта, либо 17 мая 966 г., поскольку в «Некрологе Реймской церкви» оба дня упоминаются в связи с именем Флодоард. Окончательного решения этой задачи нет до сих пор [5. Р. XIX–XXIX].

Насколько, однако, Флодоард был востребован как историк современниками и потомками? Вероятно, его популярность была не очень высока, хотя применительно к нашей проблеме «норманн и *normannitas*» его вклад не следует преуменьшать [7. С. 299]. Прежде всего, накопленный и систематизированный Флодоардом материал был широко использован его младшим современником Рихером Реймским, которого историки, вплоть до наших дней, считают в раннесредневековом историописании одной из ключевых фигур [3. С. 236–239]. Кроме того, ссылки на сочинения Флодоарда обнаруживаются в трудах Гуго де Флавины (конец XI в.) и Гуго де Флери (начало XII в.). Наконец, что для нас имеет принципиальное значение, существует уверенность в том, что с трудами Флодоарда был знаком человек, которого вполне законно считают родоначальником пронорманнской историографической парадигмы, Дудо Сен-Кантенский [5. Р. XXIX].

Однако в более поздние времена Средневековья имя и сочинения Флодоарда оказываются в забвении. Лишь в XVI в. президент Дижонского парламента Бегат (1522–1572) отыскал в архивах Дижона рукопись «Анналов» и вновь открыл имя этого автора читающей публике [5. Р. XXIX]. На начало XX в. было известно 7 манускриптов, в которых содержится текст «Анналов» Флодоарда. По данным Б. Гене, это число не изменилось до сих пор. Издатель «Анналов» Ф. Луер в начале XX в. охарактеризовал их следующим образом.

Манускрипт А из библиотеки медицинского факультета университета Монпелье. Манера письма относится к середине XII в. Вероятно, весь текст написан одной рукой, хотя перья и чернила иногда менялись. Возможно, данный манускрипт был написан в Вердене или, по крайней мере, находился в Вердене в XII в. С конца XII в. по середину XVI в. он хранился в Дижоне, где и был об-

наружен его первым издателем П. Питу. Этот манускрипт представляет собой наиболее ясный, точный и, возможно, наиболее близкий к архетипу текст [5. Р. XXXII–XXXV].

Манускрипт В из Национальной библиотеки в Париже. Манера письма этого манускрипта, неоднородного по своей структуре, принадлежит к концу X – началу XI вв. Текст «Анналов» предваряет сочинение Нитхарда. Первые пять тетрадей кодекса скорее всего относятся к X веку, тогда как последняя, шестая, принадлежит уже более поздней эпохе. В раннем средневековье этот манускрипт принадлежал аббатству Сен-Медард в Суассоне, затем в XV в. оказался в аббатстве Сен-Маглуар в Париже. В XVII в. его, вместе с большей частью библиотеки аббатства, приобрела шведская королева Христина. Затем библиотека королевы оказалась в Ватикане, но данный манускрипт в конце XVIII в. вернулся во Францию [5. Р. XXXV–XXXVIII].

Манускрипт С находится в библиотеке Ватикана. Манера письма принадлежит первой половине XI в. С XII в. манускрипт находился в одном из наиболее почитаемых нормандскими герцогами аббатств на территории Нормандии, в Фекане. Весьма любопытно, что данный манускрипт имел заголовок: «Incipit cronica Flodoardi presbiteri, de gestis Normannorum» [5. Р. XXXVIII–XLII].

Манускрипт D также находится в Национальной библиотеке в Париже. Манера письма скорее всего относится к первой половине XI в. И здесь мы сталкиваемся с аналогичным заголовком, предваряющим сам текст: «Incipit cronica Flodoardi, presbiteri, de gestis Normannorum» [5. Р. XLII–XLIII]. Такая устойчивость, на наш взгляд, весьма примечательна. Кроме того, что она свидетельствовала об изменении восприятия человеком XI в. содержания текста: анналы превращаются в хронику, а именно этот жанр становился наиболее популярным и востребованным в то время, она еще и расставляла иные акценты в содержании самого текста. На смену перипетиям внутривосточной борьбы в Западно-франкском королевстве на исходе его существования приходит интерес к месту и роли в событиях того времени жителей нового княжества, возникшего в результате внешней экспансии, Нормандии и ее первых государей. Такая трансформация могла быть вызвана растущей значимостью в XI в. выходцев из этого княжества в истории не только Франции, но и Европы в целом. Это, в свою очередь, могло свидетельствовать о возможности и, может быть, даже желании переписчиков той эпо-

хи использовать старый текст на новый лад, актуализировав его содержание для нужд XI в.

Манускрипт Е из библиотеки Авранша. Манера письма принадлежит второй половине XIII в. Возможно, манускрипт был создан в одном из влиятельнейших монастырей Нормандии, аббатстве Мон-Сен-Мишель. В любом случае он находился в аббатстве на протяжении всего Средневековья. Это также весьма примечательный факт, который служит косвенным подтверждением популярности сочинения Флодоарда именно на территории Нормандии. К сожалению, данный манускрипт не лишен некоторых недостатков. Прежде всего, создается впечатление, что он был выполнен старательным переписчиком либо с какой-то не очень качественной копии, либо под диктовку человека, который недостаточно хорошо понимал смысл того, о чем писал Флодоард [5. Р. XLIII–XLIV].

Манускрипт F из Национальной библиотеки Парижа. Манера письма относится к началу XV в., хранился в аббатстве Сен-Виктор в Париже [5. Р. XLIV].

Манускрипт G из библиотеки Альби. Манера письма относится к XVII в. Самая поздняя по времени создания рукописная копия «Анналов», однако наименее качественная. Неизвестный копист добавил в текст «Анналов» столь значительное число разного рода исправлений и дополнений, что в результате лишь увеличил количество ошибок, что в конечном счете делает практически невозможным использовать содержащуюся в манускрипте информацию ввиду крайне низкой ее репрезентативности [5. Р. XLIV–XLV].

Насколько же эти варианты манускриптов позволяют приблизиться к архетипу «Анналов», который, к сожалению, до наших дней не дошел. Прежде всего, из всех вышеперечисленных манускриптов следует исключить как имеющих какую-либо самостоятельную ценность манускрипты F и G, ибо первый является плохой копией манускрипта В, а второй – манускриптов С, D, Е. Таким образом, нашими помощниками и в этом вопросе остаются, с одной стороны, манускрипт А (середина XI в.), который, фактически оставаясь в единственном числе, представляет собой совершенно самостоятельную и обособленную группу, а, с другой стороны, манускрипты В (X–XI вв.), С (начало XI в.), D (XI в.) и Е (XIII в.). Возможно, эти четыре манускрипта восходят к более раннему тексту, находившемуся в аббатстве Фармуте. Среди этих копий манускрипт В содержит больше всего ошибок, но при этом его нельзя считать прототипом манускриптов С, D и Е, поскольку его

ошибки отсутствуют в этих манускриптах. Манускрипты С и D имеют, как мы уже упоминали, единый заголовок: «Incipit cronica Flodoardi presbiteri, de gestis Normannorum» и ряд иных схожих черт. Однако при всем этом оба этих манускрипта имеют столь сильные расхождения в передаче информации и абсолютно самостоятельные ошибки, что фактически лишает исследователей предполагать о возможном копировании этих манускриптов друг с друга. Наконец, манускрипт E, при всей его внешней схожести с манускриптом С, также вряд ли представлял собой копию последнего, хотя время его происхождения, казалось бы, позволяет высказать такое предположение [5. P. XLV–L].

Итак, сочинения Флодоарда, и прежде всего его «Анналы», можно рассматривать как некую грань, как некое переходное состояние в процессе исторического осмысления места и роли «норманнов» в европейской истории. Этот реймский историк, хотел он того или не хотел, выступил в роли первопроходца в становлении будущей «нормандской» версии будущей официальной истории Нормандии. Для Флодоарда, безусловно, «норманнская проблема» уже не казалась столь актуальной, каковой она была еще совсем недавно для подавляющего большинства западно- и восточно-франкских анналистов. Тем не менее, излагая известные ему события, связанные с участием «норманнов» во франкских делах, он дает их поступкам определенные оценки.

Флодоард знает поименно всех трех первых нормандских князей: Роллона, Вильгельма Длинный Меч и Ришара I. Однако степень его интереса к ним заметно разнится. Для периода правления Роллона (911–933 гг.) мы можем вообще наблюдать интересную картину. Сам Роллон впервые упоминается Флодоардом только при изложении событий 925 г. [5. P. 31] и еще один раз в 928 г. [5. P. 41]. Каких-либо личностных оценок Флодоард Роллону не дает, ограничиваясь лишь констатацией факта, что Роллон был вождем норманнов, дислоцировавшихся в Руане и его округе. Флодоард титулует Роллона «князь» (*princeps*) [5. P. 31], что может свидетельствовать о том, что реймский анналист воспринимает Роллона как одного из членов аристократической верхушки франкского общества. С точки зрения Флодоарда, Роллон выступает как вполне легитимный правитель тех территорий в низовьях Сены, на которых расселились норманны. Эта легитимность была обеспечена, прежде всего, фактом передачи соответствующей территории королем Карлом Простоватым в обмен на принятие норманнами христианства [5. P. 16].

В этом можно видеть косвенное подтверждение реальности какого-то соглашения между Карлом и Роллоном о передаче части территории королевства под управление норманнов. Однако было ли это соглашение столь красочно обставлено, как это описывает Дудо Сен-Кантенский, и которое вошло в историю как договор в Сент-Клер-сюр-Эпт, Флодоард не указывает. Весьма примечательно, что Флодоард не наделяет Роллона какими-либо ярко выраженными отрицательными чертами характера. Единственно, в чем опять же косвенно обвиняет Роллона Флодоард, так это в нарушении данного договора, то есть в клятвопреступлении, в результате чего в 925 г. имели место серьезные столкновения между руанскими норманнами и королем Раулем и его наиболее политически весомыми вассалами [4. С. 190; 5. P. 31–32]. В целом, образ Роллона носит весьма схематический характер, хотя даже небольшие штрихи его биографии свидетельствуют о том, что для реймского каноника этот норманн не является воплощением зла.

Однако это и не означает, что стереотип «норманна» как врага христианства у Флодоарда преодолен полностью. Фактически, антиподом Роллона выступает другой норманнский «князь» (*princeps*) Рагнольд, который действовал со своими отрядами в другой части Западно-франкского королевства, в бассейне реки Луары [5. P. 15]. В этом человеке, наоборот, воплотились все дурные качества, которыми столь активно наделяли норманнов франкские хронисты на протяжении всего предшествующего столетия. Рагнольд – клятвопреступник, человек, который грабит и опустошает разные части королевства, собирает дань с франков [5. P. 1, 6, 19, 37–38]. Однако впервые в западно-франкских источниках мы видим прямое объяснение подобного рода агрессивности со стороны «норманнов». Флодоард подчеркивает, что Рагнольд и его сторонники опустошили в 924 г. земли между Сеной и Луарой ввиду того, что они не получили каких-либо земельных владений «...внутри Галлии» [5. P. 25].

Последующее изложение событий, связанных с «норманнским вопросом», носит у Флодоарда отрывочный характер. Некоторое внимание у него вызывает период правления сына и наследника Роллона Вильгельма Длинный Меч. Флодоард также титулует Вильгельма «князем» (*princeps*) [5. P. 55, 71–72, 75, 84]. Особо Флодоард останавливается на освещении внутривластных событий в Западно-франкском королевстве, с которыми так или иначе был связан Вильгельм. Так, Вильгельм принимает самое активное участие в осаде

Реймса в 940 г., свидетелем которой был сам Флодоард [5. Р. 76]. Но даже это не заставляет реймского каноника каким-то особым образом выделять нормандского князя из числа других участников этих событий, крупнейших франкских магнатов. Однако некоторая недоговоренность в отношении нормандского «князя» у Флодоарда еще остается. Это особенно становится очевидным, когда мы сравниваем титулатуру участников тогдашних событий. Например, Вильгельм, как мы уже говорили, постоянно титулуется «князем», и это несмотря на то, что активно сражается в рядах франкских магнатов, которых Флодоард, в свою очередь, со столь же завидным постоянством титурует герцогами и графами. Другими словами, Вильгельм словно застывает в промежуточном состоянии: с одной стороны, Флодоард, следуя канонам своих реймских предшественников – анналистов, должен по-прежнему представлять лидера руанских «норманнов» как человека, находящегося вне политического пространства Западно-франкского королевства, сохранять образ «врага», «чужого», а, с другой стороны, этот «чужой» уже фактически «не-чужой», он интегрирован в структуру этого пространства как самостоятельный элемент, равнозначный по своей роли другим «герцогам» и «графам». Стереотип восприятия «норманна» как врага, зафиксированный как своеобразный историографический факт, нужно ломать, и в решении этой задачи Флодоард делает первые шаги, хотя трагическая смерть Вильгельма от рук графа Арнульфа еще не приобрела у него столь значимой роли в деле прославления династии Роллоидов [5. Р. 86], как это мы сможем увидеть у Дудо Сен-Кантенского.

Наконец, в отличие от своих деда и отца, третий нормандский «князь» Ришар I первоначально присутствует на страницах сочинения Флодоарда исключительно анонимно. Он всего лишь сын конкубины – бретонки [5. Р. 86], что в глазах тогдашнего политического истеблишмента резко снижало его социально-политический статус. Поэтому, когда Флодоард так или иначе касается событий, связанных с руанскими норманнами, он полностью исключает какую-либо самостоятельность последних в свершении тех или иных поступков. Фактически их руководителем становится сам король Людовик [5. Р. 95], который, правда, очень скоро, в 945 году, сам станет жертвой предательства со стороны жителей Руана [5. Р. 98]. Ришар I появляется только на последних страницах «Анналов» [5. Р. 148], причем Флодоард явно видит в нем человека, проявляющего исключительно дурные наклонности [5. Р. 150]. Но

эти наклонности есть лишь личные качества нормандского «князя», они отнюдь не характеризуют всех его подданных.

Единственный момент, который всегда вызывает резкие суждения со стороны реймского каноника и который он не может не зафиксировать на страницах своего сочинения, связан с противопоставлением христианства и язычества. Флодоард всячески и неоднократно подчеркивает, что руанские норманны могут рассматриваться франкским обществом как полноправные его члены именно в силу того, что Роллон и его сторонники приняли христианство [5. Р. 16]. Как только норманны превращаются в вероотступников, они, по мнению Флодоарда, теряют всякое право на полноценное существование среди франков как в материальном (территории), так и в духовном смысле. Именно в таком ключе трактуются события 943 г., последовавшие за трагической гибелью Вильгельма Длинный Меч и заключавшиеся в языческом мятеже, поднятом в Руане неким Турмодом, вернувшимся от христианства к язычеству и опиравшимся на поддержку другого норманна Сетриха, которого Флодоард называет «языческим королем». Лишь победа Людовика над ними, по его мнению, обеспечила безопасность юного наследника руанских владений от подобного дурного влияния [5. Р. 88].

В целом, следует отметить заметное смягчение образа «норманна» по сравнению с представлениями авторов «Сен-Бертенских» и особенно «Ведастинских анналов». Все те эпитеты и дурные качества, которыми норманны были наделены на страницах этих исторических источников, для эпохи Флодоарда заметно утрачивают свою актуальность. «Норманн» как враг всего Отечества начинает постепенно замещаться образом «норманна» как врага или союзника определенного политического клана, участвующего в разделе власти и собственности на территории Западно-франкского королевства.

Следует также указать на еще один момент, который заметно разнится с предыдущей исторической традицией. Так, если авторы IX и частично X вв. видели родину «норманнов» в территориях, лежащих за пределами Франкского государства, то для Флодоарда характерно устойчивое определение низовьев Сены как «земли норманнов» [5. Р. 95]. Это уже не франкские графства или паги, это территория, которая заселена «нормандским народом» [5. Р. 95], это, говоря другими словами, новое Отечество нового по своей сути народа, пусть и обобщаемого традиционным термином «норманны». В связи с этим следует подчеркнуть

еще одну деталь, связанную с фиксацией самого термина «норманны» на страницах различных манускриптов Флодоарда, дошедших до наших дней. Так, для манускриптов А и В, датируемых, как мы указывали выше, X – началом XI в., было характерно традиционное для анналистики написание Nortmannos, Nordmannos, то уже в середине XI и в последующие столетия, в манускриптах С и Е, связанных с крупнейшими и наиболее влиятельными аббатствами Нормандии, Феканом и Мон-Сен-Мишелем, это написание заменяется иным, весьма характерным: Normandnis. Этноним замещается топонимом, «норманны» становятся «нормандцами», а Флодоард фактически превращается,

пусть и невольно, в первого историографа нормандских герцогов.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.
2. Чайковская О.Г. Писатели-монахи и писатели-рыцари (X в.) // Французский ежегодник. 1962. М., 1963.
3. Тарасова А.В. Рихер Реймский и его «Четыре книги историй» // Рихер Реймский. История. М., 1997.
4. Флодоард. Анналы // Рихер Реймский. История. М., 1997.
5. *Les Annales de Flodoard*. Ed. Ph. Lauer. Paris, 1906.
6. *Flodoard. Historia ecclesiae Remensis* // Monumenta Germaniae Historica. Seria Scriptorum. Ed. G.H. Pertz. Hannoverae, 1829 (Neudruck, 1925). Т. II.
7. Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.